
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

**СТАДИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОРАЛИ
И ПРИНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В РЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ ВЫБОРОВ**

© 2012 г. Т. В. Корнилова*, И. А. Чигринова**

* Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва;

** Аспирантка, там же

Представлены результаты исследования личностной регуляции моральных выборов в вербальных ситуациях неопределенности и межличностного взаимодействия на студенческой выборке ($n = 235$). Использовались шкалы морального развития (согласно модели Колберга–Гиллиган), толерантности–интолерантности к неопределенности, межличностной интолерантности к неопределенности, готовности к риску и рациональности, а также интуитивного стиля. С помощью методов логистической регрессии и структурного моделирования выделены предикторы предпочтений выбора и построены модели направленных влияний латентных переменных как интегративных динамических систем регуляции выбора в моральных дилеммах.

Ключевые слова: принятие неопределенности, толерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности, готовность к риску, рациональность, стадии индивидуальной морали, личностные ценности, динамические регулятивные системы, манипулятивное поведение.

Изучение ведущей роли нравственного самосознания в системе психологической регуляции личностного выбора чрезвычайно важно в современном мире: перед человеком раскрываются множественные модели поведения в ситуациях соотнесения разных личностных ценностей (и конфликтных личностных смыслов) и моральных норм. В эпоху социальных потрясений меняются и сами нормы. Например, обостряется вопрос об отношении к понятию толерантности, которое для одних выступает позитивным аспектом гуманизации в современной ситуации [4], а для других приобретает негативный оттенок [26]. Возрастает ответственность личности за свои решения: человек сам должен выбрать, на что ему ориентироваться, поскольку живет в мире *неопределенности*¹.

В ситуациях принятия решений как *осознанных* и *осмысленных* выборов личности из множества альтернатив², заданных извне или поро-

дающихся субъектом, необходимость принятия неопределенности становится одной из основных психологических характеристик ситуации. Психологическая регуляция личностного выбора предполагает его произвольность и опосредованность, а значит, активность как самоопределение человека относительно ценностного контекста рассматриваемых альтернатив. И хотя регуляция личностного выбора базируется на актуалгенезе целостного интеллектуально-личностного потенциала человека, в каждой конкретной ситуации возникает динамическая иерархия процессов, которая и реализует регулятивный профиль выбора [18].

Согласно идее О.К. Тихомирова, при принятии решения любой процесс может выходить на верхние уровни иерархии [17]. При развитии данной идеи применительно к личностным выборам в жизненных ситуациях (как обычных, так и трудных), включающих их мысленную оценку, нами было обосновано представление о *динамических регулятивных системах (ДРС)* как психологических основаниях идентификации разного типа выборов [18]. Специфика ситуации *морального выбора* заключается в том, что в ней иерархизируются процессы соотнесения личностью ее ценностей и моральных норм в контексте требований

¹ Необходимость обращения к проблематике и конструкту неопределенности в современной психологии обосновывалась в работах А.Г. Асмолова, В.П. Зинченко, Т.В. Корниловой [3, 9, 14].

² В психологии принятия решения обычно речь идет о множественном выборе, когда предполагаемых исходов больше, чем два (альтернативных). Но и для их обозначения устоялось использование термина “альтернативы”, хотя это противоречит исходному значению.

и возможностей развития не только ситуации, но и личностного Я.

В узком смысле терминологически словосочетание “моральный выбор” соотносится с использованием в исследованиях материала *моральных дилемм*, предполагающих конфликт в связи с необходимостью выбора между ценностями, стоящими за рассматриваемыми альтернативами. В более широком понимании личностный выбор можно назвать моральным выбором, если он предполагает не только мотивационную, целевую и смысловую регуляцию, но и процессы регуляции личностных предпочтений со стороны ценностных контекстов, фокусирующих особенности нравственного самосознания личности³.

Одними из составляющих ценностных отношений в ситуации выбора, актуализирующего отношение к моральным нормам, выступают *личностные ценности* [15]. Ценности отражаются именно на уровне самосознания личности и связаны с процессами смыслообразования. “Ценностный или семантический аспект саморегуляции связан с созданием психологических режимов деятельности” [1, с. 274] (у автора – К.А. А.-С. – еще и чувственного). Индивидуальные ценности (отличные от групповых, общественных и социокультурных) формулируются как “переживаемые отношения личности с миром, отражающие инвариантные аспекты общечеловеческого опыта” [25, с. 145]. Содержательное наполнение ценности может быть любым, коль скоро любой “объект”, в том числе и идеальный, может включаться в ценностно-смысловые отношения человека к миру. В отношении к личностному Я развиваются *самопонимание* и *самоотношение*. Выделенный нами аспект в функционировании личностных ценностей – это отношение к миру других людей (*Я – Другой*).

Ранее В.В. Знаковым было показано, что у определенной группы людей, имеющих высокие показатели по шкале макиавеллизма, моральные ценности занимают подчиненное место по отношению к экономическим и статусным [10]. Им также свойственны представление о манипуляции как активном средстве общения и коммуникативная ригидность. Однако требует дальнейшего изучения вопрос о том, какие личностные свойства и особенности саморегуляции позволяют челове-

ку рассматривать *Другого* в качестве средства достижения своих целей.

Наряду с выделением этого ценностного компонента как включенного в межличностные отношения, на наш взгляд, важно также указание на его динамический, процессуальный статус. В ситуациях любого личностного выбора человек может как следовать “логике” личностных ценностей, так и гибко соотносить их с возможностями развития ситуации, оцениваемого в прагматическом контексте собственного целеобразования и в ценностном (отношения к личностному Я и к другому человеку). По словам В.П. Зинченко, “...не следует забывать, что когда речь идет о выборе, о распутье, то всегда имеется в виду личный выбор (оставим в стороне неподсудные морали ситуации разрушения личности посредством физических и нравственных пыток). Но природа абсурда состоит в том, что появление свободы личного выбора вовсе не автоматически влечет за собой сам акт выбора” [8, с. 189–190]. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко строят схему психологических отношений нравственности как включающих “отношение к самому себе как к субъекту отношений нравственности” [7, с. 68] и выделяют наряду с когнитивным и эмоциональным аспектами коннотативный – готовность (в мотивах и намерениях) действовать на уровне нравственной регуляции. Итак, занимающие разные методологические позиции психологи приходят при рассмотрении проблемы нравственной регуляции поступков и действий к представлениям о “зазоре” между нормами и психологическим отношением к их соблюдению, “психологическими отношениями нравственности” и возможностями поступка.

Следовательно, *моральный выбор* можно определить как такой личностный выбор, который включает в ориентировку человека на его личностные ценности не только самоотношение (к личностному Я) и значимость собственного целедостижения, но и ценностное отношение к *Другому*. Такая ориентировка предполагает конструктивную, “построительную работу” самосознания личности, благодаря которой человек не только определяется в своих ценностях, но и проявляет гибкость в понимании адекватности их образу Я и той ситуации, которую нужно разрешать своим выбором.

Личностный выбор в реальной жизненной ситуации и моделируемой в вербальной задаче (в которой нужно сделать выбор), конечно, будет отличаться по своим динамическим регулятивным профилям. Но и вербальные моральные дилеммы оказались в психологии продуктивным матери-

³ Если моральные нормы представлены в структурах общественного сознания (и принятые в соответствии с ними ценности выступают общественными, социокультурными или социально-психологическими), то нравственные регуляторы действий, поступков и выборов – в самосознании личности.

лом для построения и проверки теоретических моделей. Так, на их основе была апробирована концепция Л. Колберга, который сопоставлял вербальные выборы с дальнейшим личностным развитием обследованных лиц. Анализу продуктивной роли и ограничений его концепции посвящена специальная статья Л.И. Анцыферовой, показавшей правомерность использования разработанного им диагностического подхода (к стадиям развития индивидуальной морали) и возможность соотнесения авторских интерпретаций и других представлений о личностном развитии, развиваемых в отечественной психологии [2]. Использование в зарубежных исследованиях материала вербальных задач, включающих моральные дилеммы, показало возможность выхода на ведущие уровни регуляции выбора разных типов ценностей, в частности сакральных (человеческая жизнь, здоровье, природа, любовь, честь или права человека) или частных (например, деньги, достижение успеха) [30, 34, 35 и др.].

Мы не ставили своей задачей делать обзор существующих направлений в области психологии ценностей, считая репрезентативным сборник, который демонстрирует разработки отечественных психологов в этом направлении [24]. Но вместе с тем находим необходимым назвать те дихотомии, вокруг которых строилось обсуждение психологической регуляции “моральных” выборов человека. Из них наиболее значимыми долгое время оставались 1) “свобода–детерминация” и 2) “разум–эмоции”.

1) Представленная по-разному в зарубежной экзистенциальной и гуманистической психологии, в теориях самодетерминации и самоконтроля проблема морального выбора, в свою очередь, включала обозначение проблем первенства разума или широко понятого аффекта, включая эмоции, мотивацию, личностные свойства человека в регуляции его действий и решений. Одними авторами психологическая регуляция морального выбора сводилась к мотивационной (что выступает лишь одним из уровней личностной регуляции, причем подчиненным, согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, уровню самосознания личности). Другими авторами, как зарубежными, так и отечественными, контекст морального выбора связывался с включением уровня личностных ценностей или отношения к другому человеку, если последствия выборов отражали самоопределение человека – к *Я* и *Другому*. Эта диалогическая направленность в понимании *динамики самосознания* стала связующей для работ таких разных мыслителей, как М. Бубер и В. Библер,

Л. Выготский и М. Бахтин, Г. Кучинский и представителей современной герменевтики.

2) Согласно другой названной дихотомии, предполагалось, что: а) уровни интеллектуального развития человека определяют разумное освоение им моральных норм (“моральный человек” по И. Канту, “моральные суждения” по Ж. Пиаже, “уровни развития индивидуальной морали” по Л. Колбергу – доличностной, конвенциональной и собственно личностной (постконвенциональная стадия); б) за моральным решением стоят эмоции, “автономная” или “интуитивная” мораль (эмоции как основа моральных действий по Дж. Юму, теория социальных интуиций Дж. Хайдта, теории М. Хофмана, Дж. Реста и др.). Промежуточной стала построенная по аналогии с моделью Н. Хомского модель М. Хаузера [28]⁴, предположившего логику специальных правил порождения моральных суждений.

В последнее время обсуждается проблема кажимости принципиальных различий между субъективной рациональностью, понятой как становление когнитивных схем (включая действие когнитивных эвристик), и нравственных норм, которыми следуют люди. Г. Гигерендер показал: то, что в “свернутом” виде выглядит как моральная интуиция, при специальных процедурах развертки оснований выбора оказывается “свернутой” метакогницией [32]. В любом случае действие моральных норм опосредуется интеллектуально-личностной активностью субъекта, будь то актуалгенез эвристик или *смыслообразующих ценностей* (термин, используемый А.Г. Асмоловым [3] вслед за А.Н. Леонтьевым).

Процессы освоения моральных норм как присвоения социального опыта – позиция, противопоставившая отечественные подходы зарубежным нативистским теориям и теориям двух факторов. Отметим положения одного из подходов отечественной психологии, на который мы опирались при формулировании целей и гипотез нашего исследования.

В культурно-деятельностном подходе наиболее освоенной оказалась проблема волевой регуляции. Но в нем мы видим и основания психологического понимания той когнитивно-личностной активности человека, которая представлена в регуляции морального выбора. *Во-первых*, в культурно-исторической концепции именно взаимосвязь с другим человеком (ситуация *Пра-Мы*) выступает

⁴ В связи с фальсификацией данных и последовавшим за этим извинением автора перед научным сообществом ссылки на данную теорию представляются сейчас проблематичными.

предпосылкой становления высших психических функций (в их орудийном опосредствовании) и может выступать предпосылкой становления личностной саморегуляции [12]. Последнее применительно к возможности психологического понимания личности было обосновано, в частности, В.А. Петровским [23]. Во-вторых, во введенном Л.С. Выготским понятии психологической системы была представлена идея психологического развития как включающего переструктурирование взаимосвязей разных процессов. Можно предполагать, что эта динамика процессов когнитивно-личностного опосредствования выбора будет обнаруживать различия в зависимости от содержательного освоения ценностных отношений человеком. В-третьих, концепция предполагает активность как “психотехническая работа” самого человека, находящегося в ситуации выбора, которая становится порождающей (“проектировочной”), а не только регулятивной. Будучи презентированной в системах осознанных переживаний, она вместе с тем лишь оформляет ту систему саморегуляции, которая подспудно охватывает все нижележащие уровни гетерархической регуляции личностного выбора.

Активность субъекта в *принятии и преодолении неопределенности* – интегративный процесс, или модус активности, который сегодня видится нам связующим в решении проблемы идентификации новообразований при соотношении оснований индивидуальных предпочтений личности в ситуации морального выбора и целостного функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека [18].

В методологии психологии опорой для такого видения выступили идеи М.К. Мамардашвили о *самоопределяемых* действиях, о *живом* и мертвом в действии как наличии или отсутствии *усилия* [21]. Их связь с положениями культурно-исторической концепции закономерно вытекает из предполагаемого в последней понятия саморегуляции [6, 12]. Данную отсылку мы делаем потому, что именно благодаря работам этого философа понятие неопределенности стало осваиваться в психологии.

Итак, представления о принятии и преодолении человеком субъективной неопределенности в ситуации выбора рассматриваются нами как предпосылки понимания психологических оснований морального выбора. Изучение его психологической регуляции должно строиться не только на путях идентификации структур нравственного самосознания, но и как выявление их функциональной роли в предпочтении альтернатив. Рас-

смотрению возможностей одного из таких путей посвящена настоящая статья.

Наше понимание интеллектуально-личностной регуляции морального выбора заключается в движении *общей гипотезы*: нравственное самосознание личности функционирует именно как *динамическое – обратимое* для рассматриваемых человеком альтернатив – взвешивание и оценивание приемлемости освоенных им моральных норм с точки зрения как применимости их к конкретной ситуации, так и личностного самоопределения (кем личность становится в результате тех или иных решений). Согласно динамическому подходу, важную роль в регуляции личностного выбора оказывают свойства толерантности/интолерантности к неопределенности.

При отношении к моральным нормам как к заданным клише возможно и безличностное, формальное, и фанатичное следование им. Интеллектуально-личностные усилия по освоению надындивидуальных норм (морали) в качестве собственных ориентиров выбора (не только их включение в смыслообразующие связи с личностно-мотивационными иерархиями, но и выход за пределы собственного Я – к Другому, чьи смыслы и ценности также учитываются) характеризуют вершинные уровни личностного становления⁵, в частности, личностных ценностей, предполагающих ценностное отношение к Другому, а не только ориентированность на личностное Я.

Исходя из нового типа построения эмпирической области личностной регуляции морального выбора, в данной работе проверялись следующие *конкретные гипотезы*, вытекающие из сформулированных общих положений:

1. “Личностный” уровень нравственного развития (в узком смысле слова, согласно концепции Л. Колберга, дополненной К. Гиллиган, – это стадия *постконвенциональной* морали, а также *самоуважение* и *самопожертвование*) связан с высоким уровнем *Принятия неопределенности* как латентной переменной, представляемой измеряемыми переменными *толерантности к неопределенности* и *готовности к риску*; иными словами, чем выше индексы интегрируемых этим уровнем переменных, тем в большей степени человек ориентируется на ценностное отношение к другому

⁵ Принятие идей единства интеллекта и аффекта, присвоения общественно-исторического опыта не означает отвержения того, что взрослый человек может осмысленно и свободно относиться к ценностям и эмоционально-мотивационным основаниям своего поведения и выбора.

человеку и тем выше значения переменных, отражающих *Принятие неопределенности и риска*.

2. Латентная переменная, манифестируемая индексами *постконвенциональной морали, самоуважения и самопожертвования*, во взаимодействии с латентной переменной *Принятие неопределенности и риска* влияет на направленность (предпочтение) выбора в ситуациях, связанных и не связанных с межличностным взаимодействием.

3. Регулятивная роль переменных *доконвенциональной и конвенциональной морали*, а также *самоозабоченности* остается вне влияния динамической регулятивной системы, отражающей процессы указанного “личностного” (в узком смысле) уровня регуляции выбора.

4. Свойства, отражающие стадии *доконвенциональной, конвенциональной морали и самоозабоченности*, связаны с другими личностными свойствами, отражающими латентную переменную *Неприятие неопределенности*, интегрирующую стремление к ясности (*интолерантность к неопределенности*), нетерпимость к неопределенности и двусмысленности в межличностных отношениях (*межличностную интолерантность*) и свойство *рациональности*, выражающееся в направленности на максимальный сбор информации и расчет при принятии решений; эти свойства также могут выступать частными предикторами предпочтений при личностном выборе.

5. Фактор *Принятие неопределенности* оказывается ведущим в предпочтении выборов в пользу неопределенности, если ситуация не предполагает межличностного взаимодействия; его роль снижается в ситуациях, включающих межличностное взаимодействие.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 235 чел., студенты III курса дневного отделения факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Из них – 186 женщин и 49 мужчин в возрасте от 18 до 26 лет (*Med* = 19, *SD* = 2.7; для женщин *Med* = 19, *SD* = 2.03; для мужчин *Med* = 19, *SD* = 0.99).

Схема исследования сочетала корреляционный и квазиэкспериментальный подходы. Тестирование личностных свойств проводилось с помощью опросников. Затем испытуемым были предложены вербальные задачи, по результатам решения которых определялись группы с высокими или низкими значениями личностных переменных.

Методики

1. Опросник “Справедливость–Забота” (С–3) в апробации С. Молчанова [22]. Он позволяет измерять шесть переменных, характеризующих уровни нравственного развития. Три соответствуют стадиям индивидуальной морали в теоретической модели Л. Колберга (*доконвенциональная, конвенциональная и постконвенциональная*) и три – модели Н. Айзенберг–К. Гиллиган (*самоозабоченность, самопожертвование и самоуважение*).

Отталкиваясь от работы Л. Колберга, К. Гиллиган предложила модель трехуровневого стадийного морального развития, в основе которой заложен принцип заботы: шкала *Самоозабоченность* отражает ориентацию на себя, свои интересы и хорошее мнение о себе других людей; *Самопожертвование* предполагает рефлексивную эмпатическую ориентацию, умение полагаться на интериоризированные ценности и защиту прав других; *Самоуважение* – сознательный учет интериоризированных ценностей.

Шкалы *Постконвенциональная стадия, Самопожертвование и Самоуважение*, по мнению авторов модели и опросника, связаны с достижением личностного уровня как высшей стадии нравственного самосознания личности. Представленность в этих переменных ценностных отношений к Другому как личностных ценностей, называемых авторами “интериоризированными”, обусловило выбор этого опросника.

2. *Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН)* [13] представляет собой апробированный Т. Корниловой для русскоязычных выборочный вариант сборного опросника, построенного А. Фернхемом на основе наиболее известных предыдущих (см. [33]). Согласно нашей модификации, опросником диагностируются показатели по трем шкалам: *Толерантность к неопределенности (ТН)*, *Интолерантность к неопределенности (ИТН)* и *Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН)*.

Шкала ТН опросника позволяет измерять генерализованное личностное свойство, означающее стремление человека к изменениям, новизне и оригинальности; готовность идти неизвестными путями и решать более сложные задачи; возможность самостоятельного выбора и выхода за рамки принятых ограничений.

Шкала ИТН фокусирует стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, принятие главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение

правильных и неправильных способов действий, мнений и ценностей.

Опросником НТН измеряются разные виды интолерантности: если переменная *интолерантности к неопределенности* отражает стремление к ясности в отношении к миру (и миру идей), то третья шкала – *межличностной интолерантности к неопределенности* – означает неприятие неопределенности в позициях Я–Другой и стремление к ясности в межличностных отношениях (в мире людей).

На основе использования ряда методик и проверки методом структурного моделирования наших представлений о психологических компонентах конструкта “Принятие неопределенности и риска” мы смогли ранее построить латентную переменную, манифестируемую разными измерениями *толерантности к неопределенности, готовности к риску и готовности полагаться на интуицию* [18].

3. *Опросник Личностные факторы принятия решений (ЛФР)* – результат модификации немецкой методики *Q-сортировки*, проведенной Т. Корниловой [17]. Он измеряет личностные свойства: 1) *готовность к риску* – готовность действовать в ситуациях с неполными или заведомо недоступными ориентирами; 2) *рациональность* – склонность обдумывать свои решения и собирать как можно больше информации.

В психологии *готовность к риску* понималась по-разному: и как умение “поймать шанс”, и как смелость выбора низковероятной альтернативы, и как специфическое личностное свойство саморегуляции, позволяющее человеку продуктивно действовать и принимать решения в условиях неопределенности. Именно последняя трактовка положена в основу шкалы готовности к риску [18].

4. *Опросник интуитивного стиля* представляет шкалы из более полного опросника С. Эпстайна в апробации О. Степаносовой, Т. Корниловой и Е. Григоренко⁶. Здесь *интуитивный познавательный стиль* понимается как проявляемое устойчивое предпочтение человеком опираться на интуитивное познание как основу для своих решений и действий. Используются две шкалы – *интуитивной способности* (как *доверия интуиции*) и *применения интуиции*.

Вербальные задачи

Нами был разработан блок из 4 задач, построенных по принципу моральных дилемм, которые

моделировали ситуацию выбора из альтернатив, означавших согласие либо несогласие на манипуляцию другим человеком при достижении своих целей. Задачи отличались содержанием ситуаций (см. Приложение), но имели общий ключ анализа выборов: включает или нет выбранная альтернатива использование Другого в качестве средства. Из четырех исходов в каждой вербальной задаче последний был открытым, чтобы дать возможность человеку, совершающему выбор, обосновать его в своей интерпретации (почему он предпочитает именно такой выбор). Содержательно в задачах варьировались ситуации, которые на предварительном этапе студенты выбрали для себя как значимые и трудные.

В качестве *контрольной* по отношению к этим четырем выступила пятая задача, в которой сходная ситуация выбора предоставляла испытуемому возможность выбора в пользу надежного исхода или в пользу предпочтения неопределенности и риска. В отличие от задач № 1–4, задача № 5 не предполагала межличностного взаимодействия (не включала ориентировку на другого человека), но содержательно была сопоставима с задачей № 3 (также включала проблему использования транспорта), но предполагала возможность неопределенности исхода, или риска.

Основные четыре задачи включали ситуационный фактор неопределенности как сопутствующий направленности на манипуляцию Другим, но еще более неопределенными оказывались последствия выборов при отказе от использования Другого в личных целях. При таких выборах ценностное отношение к Другому может рассматриваться как проявленная личностная ценность. Включение в исходы основных четырех вербальных задач отношения к другому человеку (использовать или нет его в качестве средства улучшения своего благополучия) и исключение межличностного взаимодействия в контрольной задаче позволяли уточнить влияние именно фактора неопределенности, выделенного по отношению в основным ситуациям.

Обработка данных включала корреляционный анализ, регрессионный анализ влияния личностных переменных на выбор в моральных дилеммах; моделирование структурными уравнениями путем влияния латентных переменных на выбор; качественный анализ открытых ответов испытуемых в предложенных задачах. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета *SPSS v. 17* и программы *EQS 6.1*.

⁶ Результаты новой психометрической проверки представлены в монографии [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Связи личностных переменных между собой и с направленностью личностного выбора (корреляционный анализ).

1. Шкала *Самопожертвование* оказалась значимо связана с *Постконвенциональной стадией* индивидуальной морали; *Постконвенциональная стадия* – с *Самоуважением*, а *Самоуважение* – с *Самопожертвованием* (см. табл. в Приложении), что соответствует идеям Л. Колберга и К. Гиллиган об их связи с достижением собственно личностного уровня индивидуальной морали.

Следующий этап – использование метода структурного моделирования⁷ – позволил верифицировать предположение об объединении переменных в общую латентную переменную, дающую возможность ориентироваться человеку в ее интерпретации на общечеловеческие ценности, демонстрируя уважение не только к себе, но и к Другому. Она была названа “Ориентированность на личностное Я и ценность Другого” (см. пункт IV).

2. *Толерантность к неопределенности* оказалась связана только со шкалой *Самоуважение*. Однако это также значимый довод в пользу первой гипотезы, предполагающей взаимодействие стоящих за ними латентных переменных *Принятие неопределенности* и *Ориентированность на личностное Я и ценность Другого*.

3. Проведенный корреляционный анализ (см. табл. в Приложении) позволил выявить также значимые связи *доконвенциональной стадии* с *конвенциональной* и шкалой *Самоозабоченности*, а *конвенциональной* – с *Самоозабоченностью* и *Самопожертвованием*.

Отметим, что последняя шкала (*Самопожертвование*) связана с переменными, относимыми Колбергом к двум разным уровням: к собственно личностному (постконвенциональная стадия) и предшествующей стадии конвенциональной морали. Это означает, на наш взгляд, что фиксируемые переменными стадии функционируют как динамически автономные, а не собственно уровневые образования.

Учитывая большой удельный вес женской части выборки, выраженность связей переменной *Самопожертвование* можно считать оправданной, так как именно по ней Гиллиган прослежи-

вала отличие функционирования нравственного самосознания у женщин по сравнению с мужчинами.

4. Связь индексов измеренной *конвенциональной стадии с интолерантностью к неопределенности, межличностной интолерантностью* и стадией *доконвенциональной морали, а интолерантности к неопределенности* – с *самоозабоченностью* позволяет уточнить третью гипотезу в аспекте неавтономного функционирования “доличностных” (в терминологии Колберга) регуляторов морального выбора и соответствует четвертой гипотезе – о более тесной их связи с латентной переменной *Непринятие неопределенности*. Таким образом, именно стремление к ясности, в том числе к четкому доопределению, что такое “хорошо” и “плохо” (в пунктах опросника НТН), сопутствует выраженности индексов переменных, которые не относятся к собственно личностному уровню регуляции морального выбора.

5. Значимая связь *самопожертвования* не только с *постконвенциональной* стадией, но и с *конвенциональной* и с *интолерантностью* свидетельствует о взаимосвязях в динамике личностной регуляции с направленностью на прояснение норм, которым необходимо следовать, т.е. об отсутствии жестких “перегородок” между интегративной ДРС “Ориентированность на личностное Я и ценность Другого” и другими личностными свойствами, выступающими предикторами морального выбора, но не объединяемыми (процессуально) в другую латентную переменную.

6. Установлены положительные связи *готовности к риску с постконвенциональной стадией, а рациональности* – с *самоозабоченностью*. Первая из указанных связей соответствует первой гипотезе о взаимодействии личностных ценностей ориентации на другого человека с динамической регулятивной системой, стоящей за латентной переменной *Принятие неопределенности*. Вторая свидетельствует о большей ориентированности на расчет (что отражается переменной *рациональности*) у тех лиц, у которых превалирует ориентация на прагматическое целедостижение на основе использования межличностных отношений.

Этому соответствует также выявленная положительная связь *готовности к риску* с согласием на манипуляцию в предпочитаемых выборах и отрицательная – с *рациональностью* по суммарным ответам в основных задачах № 1–4 (подсчитывались индивидуальные баллы предпочтений выборов в пользу манипуляции). Таким образом, предпочтения в личностном выборе манипуляции другим человеком связаны со склонностью дей-

⁷ В отличие от корреляционного анализа, этот метод основан на выявлении скрытых (не выявляемых корреляционным анализом) тенденций в связях между переменными, что аналогично конфирматорному факторному анализу.

ствовать в ситуациях неопределенности без долгих раздумий и сбора информации. Этот неожиданный результат не только подтверждает, что в наших задачах, помимо моральной дилеммы, присутствовал ситуативный компонент *субъективной неопределенности*, но и уточняет для второй гипотезы направленность предпочтений.

Остальные корреляции шкал опросников ЛФР и НТН ожидаемы и подтверждают намеченные ранее основания трактовать *Принятие неопределенности риска* и *Непринятие неопределенности*, или *Интолерантность к неопределенности* в качестве отрицательно связанных латентных переменных [13].

II. Личностные свойства как предикторы выбора (регрессионный анализ)

Для анализа личностных переменных как предикторов выбора использовалась *логистическая регрессия*⁸. В качестве критерия проверки мы использовали статистику Вальдовского. Для каждой дилеммы, кроме вербальной задачи № 3, выделялись личностные переменные, обуславливающие предпочтения выбора в сторону либо согласия на манипуляцию (задачи № 1, 2 и 4), либо принятия неопределенности (задача № 5). Регрессионный анализ позволил выявить в качестве предикторов и те личностные свойства, которые не были связаны корреляциями (см. табл. в *Приложении*).

Роль знака коэффициента регрессии должна прочитываться соответствующим образом. Например, в вербальной задаче № 2 выраженность *доконвенциональной стадии* приводила к увеличению удельного веса выборов в пользу манипуляции другим человеком, а достижение следующей *конвенциональной стадии* оказывало влияние в виде уменьшения числа выборов в пользу манипуляции. *Готовность к риску* в вербальной задаче № 5 соответственно способствовала выбору альтернатив в направленности принятия неопределенности и риска.

Рациональность как нацеленность на сбор информации оказалась предиктором отказа от манипуляции другим человеком при выборах в задачах № 2, 4. То, что это личностное свойство выступило значимым предиктором не во всех задачах, а другие влияния, кроме указанных в таблице, были не значимыми, свидетельствует о роли различения целей, которые достигаются разными способами обработки данных. Одним из основа-

Таблица. Результаты регрессионного анализа влияния личностных переменных на предпочтения выбора в вербальных задачах

№ задачи	Личностные переменные (предикторы)	Коэфф. регрессии <i>B</i>	<i>p</i>	Exp(<i>B</i>)
1*	Самоуважение	-0.13	0.05	0.88
2*	Рациональ-ть	-0.16	0.01	0.86
	Докон. стадия	0.35	0.001	1.41
	Конвенцион. стадия	-0.22	0.03	0.81
3*	—	—	—	—
4*	Рациональ-ть	-0.13	0.02	0.88
	Постконвенцион. стадия	0.28	0.003	1.33
	—	-0.17	0.02	0.84
5	Самоуважение			
	Готовность к риску	0.18	0.01	1.19

Примечание. * Отмечены задачи, позволяющие выбирать между использованием и не использованием межличностных отношений в прагматических целях.

ний невыявления предиктора выступает нелинейный характер связей.

Для задачи № 4, где *постконвенциональная стадия* выступила позитивным предиктором выбора, судя по свободным ответам в этой задаче (а она была связана с вопросом о том, будут ли испытуемые заигрывать с продавцом ради карточки), происходит “сдвиг мотива на цель”: те, кто при высоких индексах этой стадии выбирают ответ “да”, готовы заигрывать, если им продавец просто понравится, т.е. независимо от получения карточки.

Отметим, что положительно связанная с *рациональностью* готовность *использовать интуицию* (по шкале опросника Эпстайна) не проявилась как предиктор, но представлялась затем в регуляции морального выбора со стороны латентных переменных (как манифестирующая *Принятие неопределенности*) (см. пункт IV).

Хотя для задачи № 3 личностные переменные по отдельности не выступали в связях с предпочтениями выборов, они оказались их косвенными предикторами при выделении на основе структурного моделирования латентных переменных как аналогов независимых, что представляют построенные структурные модели.

Для прояснения оснований предпочтений выборов мы применили следующий, более детальный качественный анализ.

III. Связь предпочтения выборов в вербальных задачах с содержанием ситуации.

⁸ На первом этапе *логистической регрессии* метод прямой селекции использует одни лишь константы, затем последовательно включает переменные, демонстрирующие сильную корреляцию с зависимыми переменными. Далее следует проверка того, какие переменные нужно исключить.

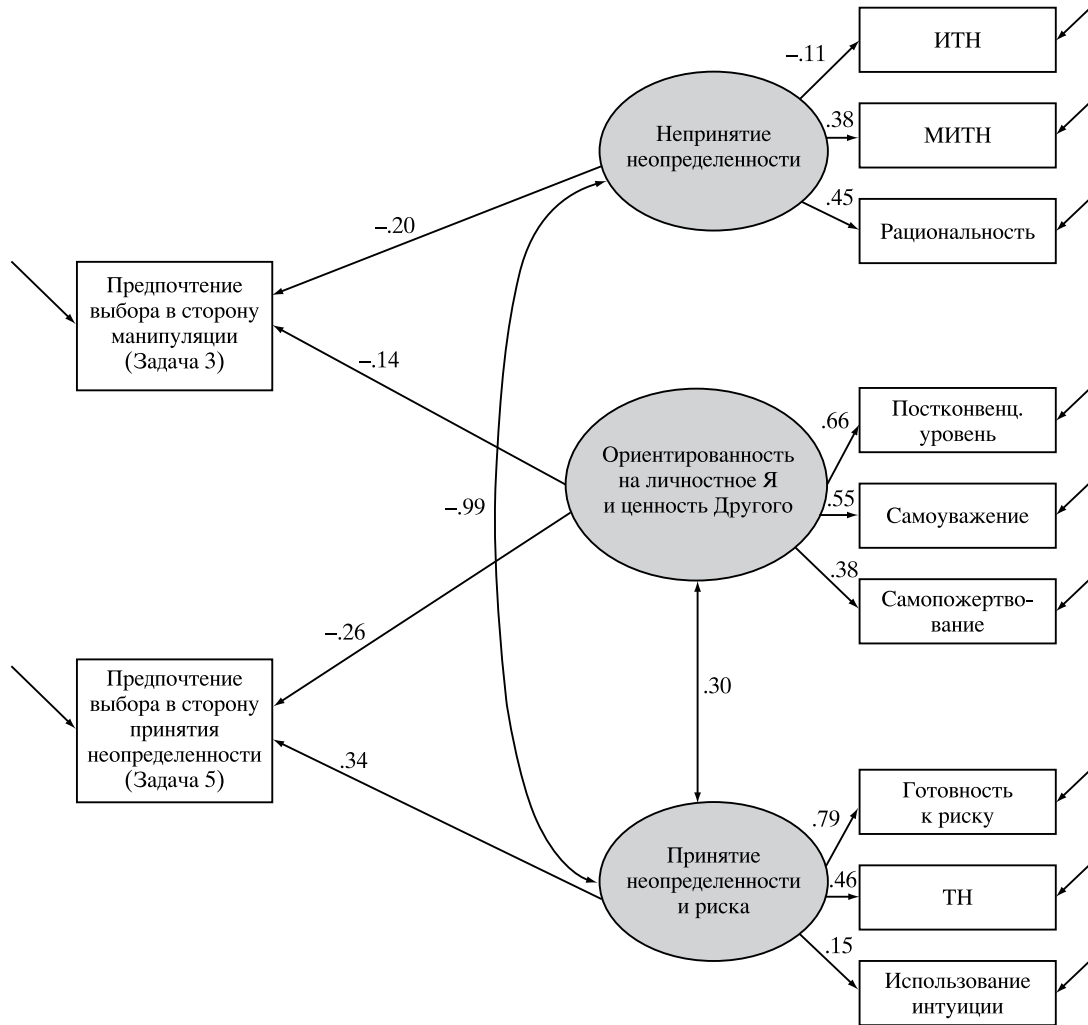

Рис. 1. Структурная модель 1: взаимосвязи предикторов личностных выборов для задач № 3 и 5, включающих и не включающих межличностное взаимодействие.

Частотный анализ ответов в предложенных моральных дилеммах 1–4, включавших межличностное взаимодействие, показал, что в задачах № 1, 2 и 4 75% испытуемых дают отрицательный ответ, т.е. отказываются от манипуляции, и только в задаче № 3 ответы давались поровну. Фактор социальной желательности, как нам кажется, в задаче № 3 не проявился потому, что испытуемому можно было “спрятаться” за решение “транспортной проблемы”, маскирующей моральный аспект – использование другого человека в качестве средства⁹.

⁹ Так как выборка была студенческой, можно предположить, что для молодых девушек, которые составили 3/4 выборки, готовность подвести их на машине не выступала в контексте “использования Другого”, поскольку учитывала предполагаемое ими “рыцарское” отношение со стороны мужчин.

Таким образом, за выбором большинства альтернатив (в указанных трех задачах), не предполагающих использование Другого в качестве средства, может стоять не только отношение к другому человеку как ценности, но и феномен социальной желательности, стремление испытуемых предстать в более выигрышном свете. В связи с таким “перекосом” ответов нами было принято решение отдельно разработать модели для задачи № 3 (с равной вариативностью “за” и “против” манипуляции другим человеком в собственных интересах) и для суммы трех других задач (в последнем случае выше будет надежность данных в модели).

IV. Латентные переменные как личностные предикторы выборов (в структурных моделях).

1. С помощью структурного моделирования мы проверили гипотезы о взаимосвязи предполагае-

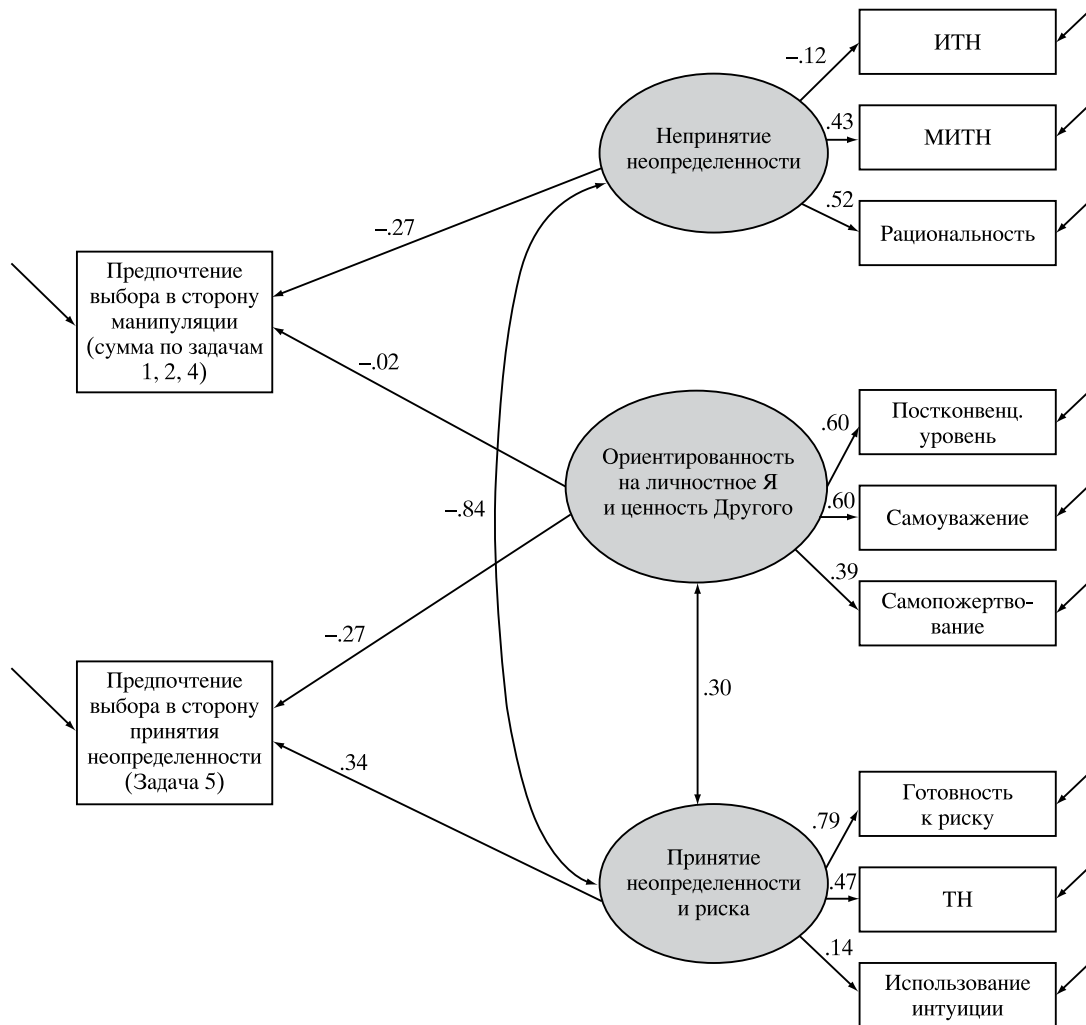

Рис. 2. Структурная модель 2: взаимосвязи предикторов личностных выборов для адач, включающих (№ 1, 2, 4) межличностное взаимодействие, где 75% испытуемых отказались от манипуляции другим человеком.

мых латентных и измеренных переменных, чтобы выявить влияние **со латентных на выборы в вербальных задачах(?)**, которые содержательно различались тем, что первая из них (№ 3) была связана с нацеленностью на достижение собственного комфорта и включала межличностное взаимодействие, во второй (№ 5) подразумевался риск, связанный с получением новых впечатлений, но ситуация не включала межличностное взаимодействие (рис. 1).

Анализ пригодности модели показал, что устанавливаемые в ней связи соответствуют эмпирическим данным: $\chi^2(38) = 40.43$, $p = 0.32$ (незначимый Хи-квадрат указывает на то, что матрица ковариаций эмпирических данных и матрица ковариаций, предсказанная моделью, значимо не отличаются); сравнительный индекс пригодности $CFI = 0.98$; корень из средней квадратичной

ошибки аппроксимации $RMSEA = 0.02$ (90%-ный интервал – от 0.00 до 0.059).

Трактовка первой (по расположению) и третьей латентных переменных (круги) как *Принятие* и *Неприятие неопределенности* обосновывалось нами ранее (см. [13]) и соответствует предположению об основаниях интеграции соответствующих измеренных переменных (названия последних даны в прямоугольниках) с точки зрения ведущего манифестируемого ими фактора. В данной работе их роль выразилась во влиянии на зависимую переменную *Суммарный балл предпочтений при выборе*. Первая, хотя и названа *Неприятие неопределенности*, может быть интерпретирована и как *Рациональная межличностная интолерантность* (по входящим в нее шкалам с положительным индексом) и, в отличие от результатов предыдущих работ, имеет незначительную

нагрузку по измеренной *интолерантности к неопределенности*.

Средняя по местоположению латентная переменная, предполагаемая первой из наших гипотез, уже названа в пункте I разд. “Результаты” как *Ориентированность на личностное Я и ценность Другого*; именно она предположительно представляет ДРС, интегрирующую ориентировку на личностные ценности.

Как показывает модель 1 (см. рис. 1), влияния со стороны как второй латентной переменной – Ценностного отношения к себе и другому человеку, так и Неприятия неопределенности *снижают частоты выборов в пользу манипуляции* другим человеком (стрелки к задаче № 3), а также выборов в пользу неопределенности (стрелки к задаче № 5).

Принятие и Неприятие неопределенности вносят основной вклад в предпочтения выборов; однако, если “убрать” влияние латентной переменной личностных ценностей, индексы модели демонстрируют ухудшение соответствия полученным данным, при этом снижается и процент объясненной дисперсии.

2. Далее нами была построена модель 2 (см. рис. 2) для проверки гипотезы о влиянии системы тех же латентных переменных в вербальных задачах, где отвержение манипуляции соответствует проявлению социальной желательности в выборе (суммарный показатель предпочтений в № 1, 2 и 4).

Анализ пригодности модели показал, что она также соответствует эмпирическим данным: $\chi^2(36) = 34.16$, $p = 0.60$; сравнительный индекс пригодности $CFI = 1.00$; корень из средней квадратичной ошибки аппроксимации $RMSEA = 0.00$ (90%-ный интервал – от 0.00 до 0.049).

Значимые связи и влияния остались прежними, но в модели почти исчезло влияние переменной *Ориентированность на личностное Я и ценность Другого*, т.е. влияние фактора социальной желательности нивелировало ориентировку на личностные ценности.

3. Завершающим этапом стало построение результирующей модели, учитывающей суммарный балл предпочтения манипуляции Другим в задачах № 1–4), а также выбор в контрольной задаче № 5, не предполагающей межличностного взаимодействия (рис. 3).

Эта модель также полностью соответствует эмпирическим данным: $\chi^2(38) = 32.82$, $p = 0.67$; сравнительный индекс пригодности $CFI = 1.00$;

корень из средней квадратичной ошибки аппроксимации $RMSEA = 0.00$ (90%-ный интервал – от 0.00 до 0.044).

Влияние латентных переменных на предпочтения выбора при использовании данных по всем задачам не изменилось, поэтому можно сделать вывод о надежности нашей модели. Основным результатом сравнения моделей заключается в том, что *Рациональная межличностная интолерантность*, стоящая за латентной переменной *Неприятие неопределенности*, выходит на ведущие уровни регуляции выбора в моральных дилеммах, включающих общение и возможность манипуляции другим человеком.

V. Качественный анализ ответов, дополненных как основания выборов.

С помощью метода конденсации смысла [5] нами был проведен качественный анализ тех свободных ответов, когда испытуемые сами могли обосновать причину того или иного выбора. *Первая стадия* метода включает в себя прочтение всех ответов; *вторая* заключается в выделении из высказываний испытуемых “естественных смысловых единиц”, т.е. как они были высказаны; на *третьей* доминирующая тема в выделенных нами естественных смысловых единицах формулируется как можно проще; на *четвертой стадии* производится проверка смысловых единиц с точки зрения цели исследования, в нашем случае – как сами студенты обосновывали свой выбор в случаях согласия и несогласия на манипуляцию Другим.

Качественный анализ подтвердил наше предположение о влиянии социальной желательности при выборах в задачах № 1, 2 и 4. Несмотря на это, смысловое содержание аргументации (в том числе и социально желательных ответов) позволяет четко выделить основные категории испытуемых с “доличностным” и “личностным” уровнями нравственного самосознания.

Опираясь на результаты качественного анализа, мы получили более полные данные о том, что испытуемые с более высокими показателями по переменным, не вошедшим в ДРС ценностного отношения к Себе и Другому (*доконвенциональная, конвенциональная* стадии и *самозабоченность*), в большей степени стремятся к получению удовольствия, акцентируя внимание на настоящем моменте. Они также склонны к более эмоциональной оценке ситуаций; чаще ориентируются на социальные нормы и правила, если отказываются от манипуляции Другим, но не апеллируют к личностному неприятию манипуляции в праг-

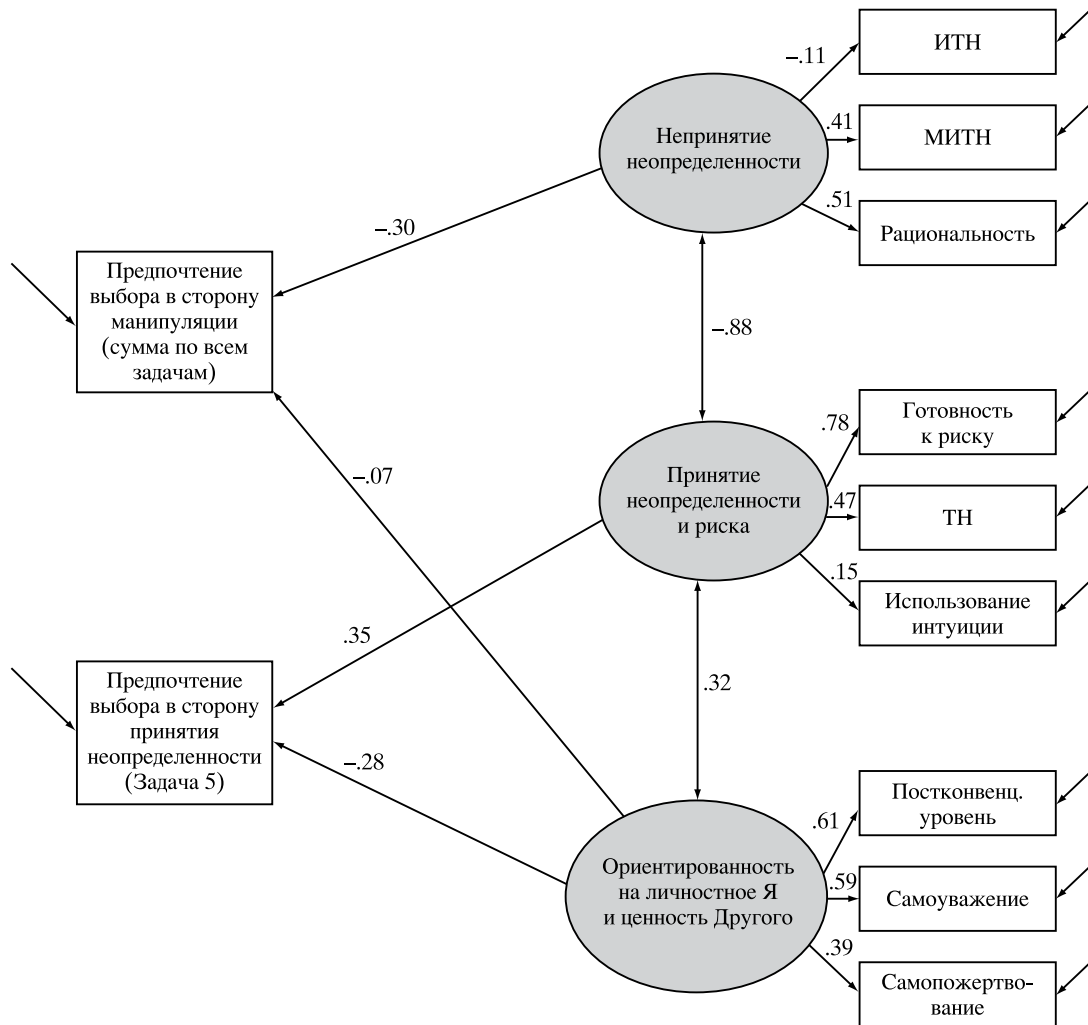

Рис. 3. Структурная модель 3: взаимосвязи предикторов личностных выборов для задач, включающих и не включающих межличностное взаимодействие

матических целях. Испытуемые с более высокими индексами шкал, манифестирующих латентную переменную ориентации на ценностные отношения, проявляют больше уважения к Другим, опираются в аргументации на внутренние нормы (а не на то, что “так принято”), учитывают возможные последствия выбора и перспективы.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. В исследовании получены данные, подтверждающие возможности разведения двух уровней нравственного самосознания личности: один из них интегрирован в латентную переменную, представляющую динамическую иерархизацию факторов собственно “личностной” регуляции морального выбора [16]. Он предполагает ценно-

стное отношение к Я и Другому, и его регулятивное влияние опосредовано латентной переменной как *динамической регулятивной системой*, не допускающей использования межличностных отношений в прагматическом целедостижении. Как и предполагалось в первой гипотезе, этот собственно личностный (в узком смысле, согласно модели Колберга–Гиллиган) уровень манифестируется переменными *постконвенциональной морали, самоуважения и самопожертвования* и положительно взаимосвязан со значениями переменных, отражающих другую латентную переменную – Принятие неопределенности и риска.

Чаще именно лица с наиболее высокими индексами переменных собственно “личностного” уровня нравственного самосознания, характеризующиеся высоким *самоуважением*, допускают

неясность, неопределенность и новизну ситуаций, что предполагает возможность личностного самоопределения в ситуации выбора. Лица же с высокими индексами шкал, не интегрируемых в “личностный” уровень, нетерпимы к неясности и неопределенности в межличностных отношениях, т.е. не оставляют другому человеку право на “инаковость” или право не следовать четким правилам (во взаимоотношениях). Этот результат расширяет представленный в литературе контекст понимания того, что коммуникативная ригидность связана, в первую очередь, с ориентацией на себя, а не на партнера по общению [10], соотношением соответствующих личностных свойств с процессами Принятия и Непринятия неопределенности.

На основании построенных структурных моделей было верифицировано совместное влияние указанных двух латентных переменных на выбор в вербальных задачах (моральных дилеммах, связанных и не связанных с межличностными отношениями), что позволяет нам принять вторую из сформулированных гипотез.

При этом важно отметить, что Принятие неопределенности влияет на выбор при межличностном взаимодействии только косвенно – через взаимосвязь с латентной переменной Непринятие неопределенности (или с Рациональной межличностной интолерантностью), оказавшейся ведущей для ситуаций выбора с межличностным взаимодействием. Влияние Принятия неопределенности становится ведущим, когда ситуация выбора не включает общения с Другими, что позволяет нам принять также пятую из сформулированных гипотез о соответствующем актуализации этой переменной в зависимости от задачи (содержания ситуации).

2. Личностные свойства, отражаемые шкалами *доконвенциональной и конвенциональной морали и самоозабоченности*, также могут выступать предикторами морального выбора (их направленность раскрывается в табл.). Но их функционирование автономно не интегрируется предполагаемой ДРС, стоящей за латентной переменной Ориентированность на личностное Я и ценность Другого. Поэтому мы условно называем их переменными “доличностного” уровня (регуляции морального выбора), указывая их иной психологический статус (по сравнению с ценностными отношениями). Сопутствие изменений индексов этих переменных высоте свойств, фокусируемых другой латентной переменной – Непринятие неопределенности, позволяет нам принять также третью гипотезу: о взаимодействии их как

частных предикторов морального выбора с латентной переменной Непринятие неопределенности, означающей в данном случае ведущую роль *межличностной интолерантности к неопределенности и рациональности* как склонности к действиям и решениям на основе расчета.

Итак, на основании полученных результатов нами принимается третья гипотеза – об автономном функционировании указанных свойств, относимых к условному “доличностному” уровню, не интегрированному в ДРС.

Ранее было показано, что “доличностный” (в узком смысле концепции Колберга) уровень регуляции выбора приобретает дополнительную характеристику через связь с макиавеллизмом и предпочтение в пользу манипуляций другим человеком в собственных интересах [29]. В отличие от взглядов Колберга, в наших представлениях уровни понимаются не как стадии, смещающие друг друга; переменные обоих уровней сосуществуют и гетерохронно проявляются в нравственных отношениях, отражаемых предпочтениями выбора в моральных дилеммах. Как мы показали, влияние переменных “личностного” уровня неоднозначно проявляется в предпочитаемых выборах. Если содержание дилеммы провоцирует ориентировку на социальную желательность ответа, влияние латентной переменной Ориентированность на личностное Я и ценность Другого минимизируется. В тех же ситуациях, когда этот ситуационный фактор отсутствует (социальная желательность не проявилась в вербальной задаче № 3) или выбор не предполагает ценностного отношения к другому человеку (№ 5), высокие показатели указанной латентной переменной, интегрирующей ценностные отношения (Я–Другой), препятствуют и выборам в пользу манипуляции, и развитию ситуации как рискованной (см. на рис. 1 модель 1).

Можно предположить, что по мере личностного развития именно эта латентная переменная ценностных отношений связана с самоопределением человека в отношении личностных ценностей. В обосновании этого предположения можно использовать данные других исследований, в частности, послевоенного немецкого лонгитюда Томэ, в котором были установлены ведущие влияния в личностном развитии самосознания как включающего конструктивную роль построения Я-концепции.

“Укрупнение” нами стадий до двух, по сравнению с моделями Л. Колберга–К. Гиллиган, отвечает только указанному аспекту интегрированности переменных “личностного” уровня в единую

ДРС. Но такая ДРС не является единственным предиктором (другие еще нужно устанавливать); в результате парциальных влияний на моральный выбор могут выявляться различные свойства, измеряемые как широко понятые личностные (в системе межличностных различий). Структурирование личностной регуляции морального выбора базируется не только на актуалгенез латентной переменной, отражающей *ценностное отношение к Я и Другому* и интегрирующей эти компоненты нравственного самосознания в личностные ценности, но и на процессуальное включение в регулятивные иерархии свойств, не входящих в характеристику собственно “личностного” уровня индивидуальной морали.

3. Установленные связи шкал *толерантности к неопределенности* и *межличностной интолерантности к неопределенности* с другими переменными позволяют нам дать более дифференцированную их психологическую характеристику. В работе [16] мы получили только косвенные свидетельства о связях выделенных уровней нравственного самосознания со свойствами толерантности–интолерантности, поскольку использовали опросник (см. [20]), дающий одну двухполюсную шкалу их измерения. На основе применения Нового опросника толерантности к неопределенности удалось констатировать связи именно латентной переменной Принятия неопределенности и риска с переменными “личностного” уровня регуляции морального выбора.

Условия субъективной неопределенности предполагают актуалгенез нравственного самосознания личности в его регуляции, в то время, как **при действии(?)**, согласно усвоенным “клише”, выбор перестает быть личностным и соответствующая латентная переменная ценностного отношения уступает роль ведущей; предикторами выбора тогда могут выступить другие переменные, имеющие статус “доличностных” с точки зрения их неинтегрированности в генерализованную латентную переменную личностного уровня (самоотношения и ценности Другого).

Неоднозначной представляется роль *интолерантности к неопределенности*. Как измеренная переменная, она имеет отрицательную нагрузку на латентный фактор Непринятия неопределенности. С учетом отрицательного знака влияния этой латентной переменной на выбор в межличностном взаимодействии (а именно снижение предпочтений в пользу манипуляции другим человеком) роль *интолерантности* как стремления все прояснять должна трактоваться, напротив, как способствующая такому выбору. Это требу-

ет дополнительного анализа связи указанных переменных с ригидностью, поскольку именно последняя связана с манипулятивным поведением [10]. Новым является установление нами того, что *межличностная интолерантность к неопределенности* и *рациональность* препятствуют манипулятивному выбору.

Отрицательное влияние Непринятия неопределенности в дилеммах с межличностным взаимодействием (модели 1–3 см. на рис. 1–3) и данные корреляционного анализа свидетельствуют о том, что необходимо учитывать также частные связи *межличностной интолерантности* и *рациональности* с другими переменными. *Межличностная интолерантность* как единичная переменная положительно связана также с *конвенциональной* стадией и *готовностью к риску*. Если последняя измеренная переменная указывает на неоднозначное взаимодействие с латентной переменной Принятия неопределенности, то, учитывая проявленную роль социальной желательности в вербальных задачах (№ 1, 2 и 4), можно говорить о соответствии *конвенциональной* стадии готовности делать выбор в нормативно “правильном” (как общепринятом) направлении общения с Другими. Установленные для *интолерантности к неопределенности* связи можно трактовать так: лица, стремящиеся к ясности во всем, реже выбирают манипуляцию другими людьми в качестве средства достижения собственных целей, поскольку любая манипуляция грозит последствиями ее раскрытия (и риском обратного эффекта). Следовательно, при выборе манипуляции образуется ситуация неопределенности в межличностных отношениях, которая менее приемлема для этих лиц (во всяком случае, применительно к студенческой выборке).

4. Поскольку в целом фактор задачи, а именно различие ситуаций общения и контрольной ситуации (принятия неопределенности и риска только для себя), стал важным для устанавливаемых связей, правомерным оказалось построение моделей отдельно для вербальных ситуаций разного вида – **с дифференцировкой путей(?)** от латентных переменных к выборам в разных задачах. Можно сказать, что в моделях намечены пути становления ДРС, и только в каждом конкретном случае – при выборе в конкретной ситуации конкретным человеком – эта иерархия процессуальной регуляции выбора состоится (как психологический профиль, раскрывающий основания предпочтения). Содержание задач изменяло степень включенности личностных свойств в предпочтения выборов, что позволяет принять последнюю, п я -

т у о гипотезу. Однако более широкие обобщения относительно влияния содержания ситуаций на характеристики морального выбора можно будет делать только при экстраполирующем варьировании – в других исследованиях – вербальных дилемм, включая уровни профессиональных решений и выборов в трудных жизненных ситуациях.

Несмотря на то, что наше понимание толерантности отличается от представленных в литературе [11, 19, 27], поскольку в большей степени подразумевает активность личности в ситуациях самоопределения в моменты выбора, оно соответствует представленным теоретико-эмпирическим доводам. Полученные результаты показывают, что учет активности личности в принятии неопределенности и ее связей с уровнями нравственного самосознания (как предполагающими ценностные отношения к Себе и Другому) при включении в более широкий контекст понимания толерантности как “готовности к принятию иных логик и взглядов” [3] может внести конструктивный вклад в понимание этой проблемы. Они подкрепляют идею о том, что любой из психологических процессов может выйти на ведущий уровень [17]. Построение же структурных моделей конкретизирует пути становления иерархий процессуальной регуляции выбора, или становления ДРС [18] как представляющих интегративные латентные переменные, идентификация которых и должна быть одной из целей анализа личностной регуляции морального выбора.

ВЫВОДЫ

1. В исследовании показана возможность выделить в личностной регуляции морального выбора не только частные предикторы, но и интегрированные латентные переменные, понимаемые как *динамические регулятивные системы*. Они фокусируют взаимосвязи переменных, подразумеваемые не столько как корреляционные, сколько как пути интегративных влияний ряда переменных¹⁰.

2. Собственно “личностный” (в узком смысле) уровень регуляции морального выбора представлен интегративным влиянием переменных *постконвенциональной морали* (с позиций Л. Колберга), *самопожертвования*, *самоуважения* и отражает Ориентированность на личностное Я и ценность Другого. Он имеет меньшее (препят-

ствующее) влияние на выбор в пользу манипуляции другим человеком по сравнению с латентной переменной Непринятие неопределенности (как Рациональной межличностной интолерантности к неопределенности).

3. Выделенные латентные переменные Принятие неопределенности и риска и Непринятие неопределенности связаны отрицательно, но их влияние на моральный выбор не является реципрокным.

Непринятие неопределенности, отражающее межличностную интолерантность и узко понятую рациональность, оказывает более выраженное влияние на моральный выбор в ситуациях, предполагающих общение.

4. Выраженность латентной переменной Принятие неопределенности можно рассматривать как процессуальный медиатор личностного выбора при самоопределении человека относительно принятия возможных альтернатив. В ситуации морального выбора, предполагающей межличностное взаимодействие, соответствующая ДРС не выступает ведущей. Однако соответствующая ей латентная переменная становится ведущей в регуляции выбора, не предполагающего межличностных отношений.

5. Различные личностные свойства, не входящие в интегрированные (идентифицированные) ДРС, могут выступать частными предикторами выбора в вербальных задачах, представляющих жизненные ситуации с характеристиками неопределенности и возможности манипулятивного поведения в межличностных отношениях. Такие частные предикторы автономны в их регулятивных влияниях; среди них не представлены переменные, которые демонстрировали бы переход к ценностным отношениям к Себе и Другому.

6. Структурные модели свидетельствуют о *совместном влиянии* латентных переменных, отражающих ценностное отношение к Себе и Другому, а также Принятия неопределенности на выбор в моральных дилеммах.

Таким образом, о моральных выборах предпочтительнее говорить в том случае, когда их регуляция включает не только отношение к моральным нормам, но и ценностное отношение к Себе и Другому (как личностные ценности). Структурное моделирование позволяет строить направленные пути влияния латентных переменных на предпочтения выборов, демонстрируя неявные и не представленные в рамках корреляционного анализа связи.

¹⁰ Последнее достигается использованием метода структурного моделирования, но не сводится к нему, поскольку метод не предполагает психологической квалификации латентных переменных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия, 2007.
4. Балл Г.А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 3–12.
5. Бусыгина Н.П. Введение в методологию качественных исследований в психологии (часть 1). М.: МГППУ, 2008.
6. Выготский Л.В. История развития высших психических функций // Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 3. С. 5–328.
7. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: ИП РАН, 2003.
8. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
9. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новшество или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности / Гл. ред. А.К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
10. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–54.
11. Кожухарь Г.С. Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 30–40.
12. Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского / Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М.: ИП РАН, 2009. Т. 2. Ч. 1. С. 30–40.
13. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
14. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 3 (11). <http://psystudy.ru>
15. Корнилова Т.В., Будинайте Г.Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99–105.
16. Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 61–70.
17. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: МГУ, 1990.
18. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
19. Леонтьев Д.А. К операционализации понятия “толерантность” // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 3–16.
20. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
21. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт; Журнал “Нева”, 1997.
22. Молчанов С.В. Структура морального поведения в концепции Дж. Реста // Психология и школа. 2005. № 1. С. 111–132.
23. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на Дону: Феникс, 1996.
24. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова и Г.В. Залевского. М.: ИП РАН, 2008.
25. Рюмина Л.И. Ценности личности в общении // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. С. 145.
26. Соколова Е.Е. Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологической ориентации психологии) // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 138–146.
27. Солдатова Г.У. Введение. Толерантность: психологическая устойчивость и нравственный императив // Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 5–18.
28. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла // Пер. с англ. Т. Марютиной, под ред. Ю.И. Александрова. М.: Дрофа, 2008.
29. Чигринова И.А. Принятие неопределенности и макиавеллизм в регуляции морального выбора // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru>
30. Baron J., Spranca M. Protected Values // Organizational Behavior & Human Decision Processes. 1997. P. 1–16.
31. Campbell R.L., Christopher J.C. Moral development theory: critique of its Kantian presuppositions // Developmental Review. 1996. V. 16. PP. 1–47.
32. Gigerenzer G. Moral Intuition = Fast and Frugal Heuristics? // Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / Ed. W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

33. *Furnham A.* A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires // *Personality and Individual Differences*. 1994. V. 16. № 3. P. 403–410.
34. *Tanner C., Medin D.L.* Protected Values: No Omission Bias and no Framing Effects // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2004. V. 11. № 1. P. 185–191.
35. *Tetlock P.E.* Thinking the Unthinkable: Sacred Values and Taboo Cognitions // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2003. V. 7. № 7. P. 320–324.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вербальные задачи

Ситуация 1. Один из Ваших преподавателей только что выпустил собственную монографию и очень гордится ею, хотя Вам она показалась ничем не примечательной. Будете ли Вы хвалить его книгу, чтобы впоследствии получить более высокую оценку?

- А) Да, буду хвалить и получу хорошую оценку;
- Б) Нет, считаю, что ради оценки не стоит так поступать;
- В) Да, буду хвалить, но по другой причине (укажите, по какой);
- Г) Нет, не буду хвалить, но по другой причине (укажите, по какой).

Ситуация 2. Ваш молодой человек/девушка не может пойти с Вами на вечеринку и не отпускает Вас одну/одного. Ваш лучший друг/подруга готов/готова Вас выручить и сказать, что Вы будете вместе готовиться к предстоящему семинару. Воспользуетесь ли Вы помощью друга/подруги?

- А) Да, воспользуюсь помощью друга/подруги, молодой человек/девушка ничего не узнает, а я развлекусь;
- Б) Нет, не стану обманывать ради собственного удовольствия;
- В) Да, воспользуюсь помощью друга/подруги, но по другой причине (укажите, по какой);
- Г) Нет, не воспользуюсь помощью друга/подруги, но по другой причине (укажите, по какой).

Ситуация 3. Вы живете далеко от места учебы и много времени и нервов тратите на общественный

транспорт. У Вас есть знакомый/знакомая с личным автомобилем, которому/которой Вы очень нравитесь. Но Вы не отвечаете ему/ей взаимной симпатией. Однако несколько раз он/она подвозил/подвозила Вас. Воспользуетесь ли Вы его/ее симпатией, чтобы избежать езды на общественном транспорте?

- А) Да, воспользуюсь, ему/ей не трудно, а мне не надо будет мучиться в общественном транспорте;
- Б) Нет, не буду пользоваться симпатией, чтобы улучшить собственное положение;
- В) Да, воспользуюсь симпатией, но по другой причине (укажите, по какой);
- Г) Нет, не воспользуюсь симпатией, но по другой причине (укажите, по какой).

Ситуация 4. Вы увидели в магазине потрясающую вещь, о которой всегда мечтали. Эта вещь дорогая, но, имея дисконтную карту, можно получить хорошую скидку. У Вас нет такой дисконтной карты. Будете ли Вы заигрывать с продавцом, чтобы заполучить эту дисконтную карту?

- А) Да, постараюсь понравиться продавцу, мне так хочется эту вещь;
- Б) Нет, не буду завоевывать симпатию, лучше останусь без карточки и скидки;
- В) Да, буду заигрывать с продавцом, но по другой причине (укажите, по какой);
- Г) Нет, не буду заигрывать с продавцом, но по другой причине (укажите, по какой).

Ситуация 5. Вы летите из Москвы в Нью-Йорк с пересадкой в Цюрихе. Время между рейсами 4 часа. У Вас есть открытая Шенгенская виза, которая позволяет Вам провести эти 4 часа в городе, а не сидеть в аэропорту. От аэропорта до города 40 минут езды. Поедете ли Вы в город?

- А) Останусь в аэропорту – точно никуда не опоздаю;
- Б) Поеду в город – какое-никакое приключение;
- В) Останусь в аэропорту, но по другой причине (укажите, по какой);
- Г) Поеду в город – но по другой причине (укажите, по какой).

Таблица. Матрица интеркорреляций личностных переменных, включая их связи с согласием на манипуляцию (использование другого человека) при выборах в задачах № 1–4

	Готовн. к риску	Рациональность	ТН	ИТН	МИТН	Доконвенц. уровень	Конвенц. уровень	Посткон. уровень	Самоозабоченность	Самопожертвование	Самоуважение	Использ. интуиции	Согласие на манипуляцию
Готовность к риску		37** N = 210	30** N = 176 16* N = 176		30** N = 176 21** N = 176	32** N = 142	17* N = 142 17* N = 142 43** N = 179	17* N = 164	23** N = 164	22** N = 142 22** N = 142	18* N = 142	19* N = 188	19* N = 172 24** N = 172
Рациональность													
ТН													
ИТН													
МИТН													
Доконвенциональный уровень													
Конвенциональный уровень													
Постконвенциональный уровень													
Самоуважение													
Использование интуиции													

Примечание. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

STAGES OF INDIVIDUAL MORALITY AND ACCEPTANCE OF AMBIGUITY IN REGULATION OF PERSONAL CHOICES

T. V. Kornilova*, I. A. Chigrinova**

* *Sc.D. (psychology), professor, general psychology chair, psychological department, MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow;*

** *post-graduate, psychological department, MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow.*

The results of study of moral choices' personal regulation in verbal situations of ambiguity and interpersonal interaction on student sample ($n = 235$) are presented. Scales of moral development (according to L. Kohlberg–K. Gilligan model), tolerance–intolerance to ambiguity, interpersonal intolerance to ambiguity, risk seeking and rationality as well as intuitive style scales were used. Predictors of choice preferences were defined and models of ordered influence of latent variables as integrative dynamic systems of regulation of choices in moral dilemmas were constructed by means of methods of logistic regression and structure modeling.

Key words: acceptance of ambiguity, tolerance to ambiguity, interpersonal intolerance to ambiguity, risk seeking, rationality, stages of individual morality, person's values, dynamic regulative systems, manipulative behavior.